

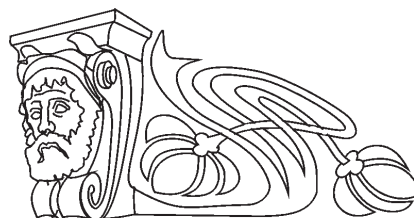
3. Hegel G. W. F. *Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse*. Mit Einleitung und Erläuterungen von K. Rosenkranz. Berlin, 1870, VII + 456 S. (Russ. ed.: Gegel G. V. F. *Nauka logiki. Entsiklopediya filosofskikh nauk*: v 3 t. Moscow, 1970, vol. 1. 503 p.).
4. Branskiy V. P. *Filosofiya fiziki XX veka. Itogi i perspektivy* (Philosophy of physics of the twentieth century. Results and prospects). St.-Petersburg, 2003. 253 p.
5. Branskiy V. P. *Sotsialnaya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii* (Social synergetic as postmodern philosophy of history). *Obshchestvennye nauki i sovremennost* (Social sciences and the present). 1999, no. 6, pp. 117–127.
6. Eigen M., Schuster P. *The hypercycle. A principle of natural self-organization*. Berlin; Heidelberg; New York, 1979. 321 p. (Russ. ed.: Eygen M., Shuster P. *Gipertsikl: printsipy samoorganizatsii makromolekul*. Moscow, 1982. 270 p.).
7. Prigogine I. The die is not cast. *Futures. Bulletin of the World Futures Studies Federation*, January 2000, vol. 25, no. 4, pp. 17–19 (Russ. ed.: Prigozhin I. *Kost eshche ne broshena. Sinergeticheskaya paradigma. Nelineynoe myshlenie v nauke i iskusstve*. Moscow, 2002, pp. 15–21).
8. *Sinergeticheskaya filosofiya istorii* (The synergetic philosophy of history). Ed. by V. P. Branskiy, S. D. Pozharskiy. Ryazan, 2009. 314 p.

УДК 316.334

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК И ДОВЕРИЕ: РИСКИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРАНЗИТА

Данилов Сергей Александрович –

кандидат философских наук,
доцент кафедры теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье исследуется транзитивное состояние политического порядка и риск-тенденций доверия на примере посткоммунистических обществ. Порядок и доверие являются взаимообусловленными явлениями, вне которых невозможно стабильное функционирование социальных систем и процессов. Выделяются вертикальная и горизонтальная оси доверия в обществе, фундированные идеологией. Деформация коммунистических режимов и кризис политических институтов определили трансформацию идеологии и доверия, когда доверие, основанное на идеологии, не смогло выступить институциональной защитой. Выделяются риск-тенденции доверия: деформализация как замещение формальных норм неформальными правилами, девальвация ценностно-институциональной системы и деградация как значительное снижение уровня доверия в «обществе транзита».

Ключевые слова: порядок, власть, риск, посткоммунистический транзит, институты, ценности.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-18-23

Посткоммунистическое общество традиционно является объектом внимания социально-гуманитарной науки. Процессы трансформации, которыми характеризуются государства и общественные системы с характеристикой «пост», можно обнаружить в экономическом, политическом, культурном измерениях. Среди множества подобных ракурсов особого внимания заслуживает проблематика доверия к политическим явлениям и процессам. В центре исследования находится тема доверия как явления, претерпе-

вающего значительные изменения в контексте социально-политической динамики транзитивных обществ.

Посткоммунистическое общество попадает под категорию транзитивного и характеризуется изменениями, свойственными для подобного рода систем. В соответствии с теорией множественных модернизаций, а посткоммунистический транзит является вариацией модернизационного транзита, следует говорить о множестве траекторий развития стран. Так А. Ю. Мельвиль отмечает множественность траекторий, которые разнонаправлены: «В одних завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других – такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих – формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления» [1].

Уникальность траекторий посткоммунистического пути определяется различными причинами и проявлениями. Ментальность общества, образы и структуры исторической памяти, зависимость настоящего от прошлого, социокультурные факторы формируют уникальный ландшафт посткоммунистического транзита. С другой стороны, трансформирующиеся общества обнаруживают общую проблематику:

переоценка ценностей, активизм молодежных групп, становящихся агентами изменений, и консерватизм старшего поколения, внедрение новых институтов общества.

Сущность и функционирование политического порядка определяется самим существом такого явления, как политическое. В одном из своих значений порядок понимается как соотношение элементов, иерархия субъектов, т.е. как система организованных взаимодействий. Например, согласно П. В. Панову, регулярность, повторяемость политических взаимодействий выступают базовыми характеристиками политического порядка. В дефинициях учитывается, что политический порядок направлен на гармонизацию политических действий и процессов, согласование общественных интересов. Отдельной функцией политического порядка является преодоление возникающих противоречий и рассогласований социально-политических процессов. В этом смысле порядок предстает как эффективное взаимодействие элементов, приносящее такие качества, согласно А. И. Демидову, как эффективность ресурсов, безопасность функционирования.

Методологическую ясность вносит В. Б. Устьянцев, сравнивая и различая понятия «порядок» и «строй». Им отмечается, что «политический порядок как форма общественного порядка выражает особый способ взаимосвязи власти и общества, возникший в результате совпадения основных потребностей и интересов субъектов политической власти и населения в достижении политического суверенитета» [2]. В версии социально-конструктивистского подхода результатом социальных взаимодействий являются коллективные смыслы, нормы. Возникающие в ходе повторяющихся социальных интеракций, они формируют институциональную основу социального порядка. Постоянное воспроизводство практик и взаимодействия обеспечивает устойчивость, стабильность и предсказуемость системы социальных отношений. Институционализация порядка происходит вследствие воспроизводства взаимодействий.

Доверие как социальное явление оказывается взаимообусловленным политическим порядком. Доверяя, человек или социальная группа делает мир более предсказуемым, полагаясь на поведение Другого. Доверие представлено и как институциональное явление, будучи основанным на социальных нормах, культурных ценностях. Так, характеризуя посткоммунистический транзит, П. Штомпка отмечает определяющую роль факторов культуры с их потенциалом, которые способны блокировать изменения. В работе «Доверие – основа общества» польский иссле-

дователь утверждает, что «значение культурного измерения в трансформации посткоммунистических государств проявилось, в первую очередь, в виде вездесущих препятствий, блокад, барьеров, тормозов, щитов и поворотов на пути к демократии и рынку» [3, с. 52].

Распространено утверждение, что политико-идеологические институты фундировали социальное доверие в советском обществе. Анализ практики доверия в историческом развитии советского социума позволяет выделить так называемые *оси доверия: вертикальную и горизонтальную*. Политический порядок коммунистических обществ вертикально выстроен через харизматичного лидера, главенство ведущей массовой политической партии, авторитарную организацию политического процесса, директивный порядок политической коммуникации между властью и обществом.

Вертикальный горизонт формируется в контексте отношений власть – общество, где генератором политического решения и действия выступает институт государства. Идея вертикальности в социально-экономических исследованиях не является новой. Так, Д. Нейсбит в своей книге «Китайские мегатренды: 8 столпов нового общества» говорит о «вертикальной демократии» в Китае. П. Штомпка также выделяет вертикальное и горизонтальное доверие. Доверие к институтам государства определяется им как вертикальное, которое отличается от горизонтального, «существующего между гражданами» [3]. У польского исследователя вертикальное доверие характеризует отношения между участниками на разных уровнях иерархии в обществе.

Исследование проблематики доверия в многочисленных работах позволяет выделить три ключевых профиля доверия: межличностное, институциональное, обобщенное (генерализированное) [4]. Наше утверждение заключается в том, что вертикальная ось доверия в коммунистическом обществе фундировала институциональное доверие, а горизонтальное – межличностный его уровень. Вертикальная ось, обеспеченная идеологическим основанием, идеологической общностью, интегрировала ценности коллективизма, определяя всеобщее доверие граждан к власти, режиму, курсу страны.

Политическая идеология выступала той идейной основой, которой были объективированы институциональные практики. Они, выходя за рамки персональных отношений, основывались на общем знании (*common knowledge*). Каждый член общества был уверен в поведении других членов социального образования, «как ведет себя любой член данного коллектива, оказавшись в со-

ответствующей ситуации и занимающий соответствующую позицию» [5, с. 93]. В условиях единой и обязательной для всех идеологии члены общества одинаково осмысливали реальность, что делало «возможным стабильные, повторяющиеся и кооперативные социальные взаимодействия» [6, с. 5]. Это обеспечивало функционирование так называемого коллективного доверия.

Межличностное доверие как доверие к представителям ближнего круга – родным и близким, друзьям – было интегрировано с институциональным. В данном случае мы оспариваем позицию, согласно которой высокий уровень доверия был детерминирован лишь чувством идеологической общности, продуцируемым политико-государственными институтами. Доверие в российском измерении было детерминировано социокультурными факторами, среди которых ценности коллективизма, религиозности, традиционности выступают генераторами доверия как на индивидуальном, так и общесоциальном уровнях. Полагаем, что именно вышеобозначенные интеграции придавали устойчивость конструкции доверия.

В процессе социальной динамики происходит деформация политического порядка. Исследуя социальный транзит, В. Г. Федотова выделяет две, назовем их генеральными, модели социального порядка – демократическую и тоталитарную, которые являются значимыми для оценки трансформаций посткоммунистического общества. Первая подразумевает наличие непреложных принципов организации, обеспечивающей основные права граждан, их центральное регулятивное значение без особого интереса к многообразию флуктуаций, существующих в обществе. Второй тип, тоталитарный, предполагает унификацию содержаний и действий, запланированность событий и подавляет то, что препятствует реализации избранных идеалов порядка. Период социально-политического транзита характеризуется хаотизацией социального пространства, дестабилизацией социальных основ, трансформацией и, следовательно, дисфункцией институтов. В условиях социальной хаотизации формируются различные вариации упорядочивания и, по мнению В. Г. Федотовой, возникают «два типа порядка – анархический и апатический», а также оформляется «новый тип порядка низшего уровня, который мы назовем формально-рациональным (по типу макдональдизации)» [7].

Действительно, деформация коммунистических режимов и кризис политических институтов определили и кризис идеологии, и доверия. Трансформация института государства и его выход из идеологической сферы повлекли за собой

кризис доверия, который до сих пор ощущает на себе общество. Демонтаж вертикальной оси, характеризуемой нами как институциональная, «вытеснил» доверие с уровня «власть–общество» на горизонтальный уровень. В период социально-экономического и политического транзита пространство доверия оказывается ограниченным ближним кругом.

Ранее доминированное вертикальное доверие, основанное на идеологии, вследствие трансформаций не смогло выступить институциональной защитой. В период институционального транзита формируются особые механизмы институализации, когда бытие человека нуждается в выходе на институциональный уровень, из сферы индивидуального бытия в пространство коллективных взаимодействий, когда субъекту «требуется институциональное закрепление соответствующих новых функций и типов действий» [8, с. 82].

Как уже отмечалось, институционализация политических практик осуществляется через постоянное воспроизводство их людьми в условиях воздействия формальных и неформальных факторов. Например, проблема институционального порядка получает дополнительный горизонт понимания через проблему соотношения формальных и неформальных институтов. Нормативная реальность, поддержанная и обеспеченная действием формальных институтов, подвергается критическому анализу, в ходе которого и зарождаются риск-тенденции по отношению к социальному порядку. Трансформация сознания, вызванная пересмотром отношения к институциональной структуре, ценностным основам общества, приводит к делигитимизации прежних форм порядка, и она одновременно рискованно открыта для новых норм и идеалов. Исследование социального транзита на примере посткоммунистических трансформаций позволяет выделить следующие риск-тенденции.

Деформализация: обращение к неформальным институтам, рост их популярности среди общества отражает процесс утраты формальными институтами своих функций. Неформальная институциональность генерируется в транзитивные периоды, она замещает официально-формальные структуры. В ходе транзитивных процессов проявляются дисфункции формальных институтов, их неспособность снизить неопределенность, упорядочить транзитивный процесс. Ранее установленные правила, структурные компоненты политического порядка (государство, закон, суд и др.) оказываются несостоятельными перед социальными трансформациями. Как отмечают Г. Хелмке, С. Левитски, история посткоммуни-

стических стран показывает, что «многие “правила игры”, структурирующие политическую жизнь, являются неформальными, т.е. создаются, становятся известными и насаждаются вне официально санкционированных каналов» [9, с. 188–189]. Такие образования, как этнические кланы, мафия, коррупция внедряются и сосуществуют наравне с официальными институтами, а отношения блата (неформальные сети обмена товарами и статусом) были полностью основаны на доверии. Более того, институциональная ситуация начала 1990-х гг. в России характеризовалась созданием «в ускоренном режиме» демократических институтов, таких как демократические выборы, суд, рынок.

Девальвация: транзитивные состояния социально-политической динамики характеризуются пересмотром ценностных основ. Человек выбирает стратегию уклонения от неэффективных институтов, критически переосмысливает политическую реальность. Например, резкое снижение авторитета КПСС было характерно для посткоммунистического транзита нашей страны. Отметим также, что, описывая посткоммунистические трансформации, Штомпка формулирует концепцию социального изменения как травмы. Общество, травмированное кризисными состояниями транзита, характеризуется, как и сама травма, синдромом недоверия, мрачным взглядом на будущее, ностальгией по прошлому, политической апатией, травмой коллективной памяти и др. [10, 11]. Девальвация ценностно-институциональной системы взаимозависит от процессов идеализации новых ценностей и идеалов, и капитализация образа «идеального государства» возрастает на фоне девальвации прежнего порядка, его основ и элементов. Этот период характеризуется стремлением к центрам силы – политическим лидерам, институтам, которые определяются в общественном сознании как выразители стабильности. Но транзитивный процесс девальвирует авторитет политических лидеров, оказывающихся неспособными к минимизации социальной рискогенности.

Деградация: безусловно, процессы трансформации оказывают влияние на состояние доверия, которое меняется вместе с социальными отношениями. Транзитивное состояние также характеризуется аномией как отсутствием норм, кризисом нормативного порядка общества. Рост аномичного состояния является результатом утраты доверия к происходящим изменениям. Аномия мыслится как разрушение социального порядка с присущими ему ценностями, утрата социальных ограничений в жизни человека, рассогласование норм, нормативных стандартов поведения.

Отметим, что в условиях кризисной динамики постсоветского транзита, деградации общего уровня генерализированного (обобщенного) и институционального доверия возрастала роль персонализированного доверия. Это, к примеру, проявилось в возрастании доверия к политическим лидерам. Вспомним эволюцию политического пути Б. Н. Ельцина, от его конфликта с партийной системой до лидера бунтующей улицы 1991 г. П. Штомпка определил потенциал персонального доверия через его способность повысить доверие к социальной институции в целом. В российском обществе, сознание которого персонализирует политику, политический лидер наделен большим кредитом доверия, причем он увеличивается вместе с повышением уровня власти.

Дж. Хоскинг, изучая проблемы доверия последних десятилетий Советского Союза [12] и анализируя 1930-е гг., отмечает невероятно низкий уровень доверия в тотально фрагментированном советском обществе. Атмосфера недоверия фундаментализировалась внутренним террором, образом врага (врагов), создавая опасную среду. В то же время людьми создавались ниши доверия, ограниченные ближним кругом. Это справедливо относится к кругу семьи и ближних родственников для обычного человека. Высшей властью также формировались закрытые сообщества, защищавшие обладателей власти и привилегий от риска извне. Сформированные таким образом ближние среды представляли собой жизненные ниши доверия. Коллективистская основа среды доверия имеет базовые основания в сообществах, которые осуществляли обмен доверия на безопасность еще в досоветской России. Примером служит сельская община, или «мир» и им подобные, поддерживающие социальные образования в структуре политического порядка.

Описанные процессы в сфере доверия можно обозначить как локализацию доверия в нишах фрагментированного общества, где идеологическая ось связывала горизонтальное (друг другу в семье, коллективе) и вертикальное (институту). Неудивительно, что в эпоху постсоветских трансформаций разрушение идеологической оси оставило доверие локализованным в дифференцированных группах. В период посткоммунистического транзита власть и общество оказались недоверительно раздельны. Это привело к катастрофическим формам социальной динамики [13].

Исторические реалии российского общества в состоянии посткоммунистического транзита характеризовались, по сути, состоянием крайнего раскола, как следствия поляризации общества, идеологическими разногласиями, сопровожда-

емыми утратой представлений о ценностях и идеалах, ценностной дезинтеграцией и институциональной дисфункцией.

Как отмечалось ранее, в условиях коммунистического общества доверие было локализовано либо «внизу» в семейном круге, круге близких, кому можно быть преданным, чтобы не быть преданным, либо «наверху», где оно тоже было локализовано номенклатурой, блатом, круговой порукой, как это было отмечено ранее. Идеологическая составляющая доверия, трансформированная в ходе посткоммунистического транзита, не смогла удержать общество от эскалации раскола и фрагментации. Опыт выживания рядового человека в конце 1980 – начале 1990-х гг. в России и активация ресурсов самосохранения политико-бюрократической элиты показывают сходные тенденции. Кризис доверия, охвативший транзитивное российское общество, привел к локализации доверия внутри автономных групп – властной элиты и российской семьи. Проявлениями периода социально-политического транзита выступают дифференциация и сегментирование общества на отдельные группы, где доверие максимально локализовано. Возникновение криминальных группировок, этнических групп там, где радиус доверия определяется принципом родства, этнической идентичностью, выступило основной последующих эффектов дестабилизации.

Работа выполнена в рамках проекта «Политический порядок и институт доверия в современной России: риски легитимности и институциональный транзит» гранта Президента РФ (МК-84.2014.6).

Список литературы

1. Мельвил А. Ю. Демократические транзиты // Политология : лексикон / под ред. А. И. Соловьева. М., 2007. С. 123–134.
2. Устьянцев В. Б. Порядок и человек : горизонты амбивалентности // Философия, общество, культура: сб. науч. ст., посвященных 70-летию проф. В. А. Конева. Самара, 2007. С. 145–158.
3. Штомпка П. Доверие – основа общества. М., 2012. 440 с.
4. Иванов А. В., Данилов С. А. Социальное доверие и институциональный порядок общества в социокультурном контексте западных и восточных культур : сравнительный анализ // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–8. С. 1852–1859.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности : трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
6. Wrong D. The problem of order: what unites and divides society. N.Y., 1994. 354 p.
7. Федотова В. Г. Апатия и три типа порядка в посткоммунистической России. URL: <http://davaiknam.ru/text/apatiya-i-tri-tipa-poryadka-v-postkommunisticheskoy-rossii> (дата обращения: 06.06.2015).
8. Homo institutus – Человек институциональный / под ред. О. В. Иншакова. Волгоград, 2005. 854 с.
9. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика : основные направления исследований // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 188–211.
10. Штомпка П. Социальное изменение как травма : ст. первая // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
11. Штомпка П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2. С. 3–12.
12. Хоскинг Дж. Структуры доверия в последние десятилетия Советского Союза. URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/hoking_s/ (дата обращения: 04.06.2015).
13. Орлов М. О. Социальная динамика : философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2009. 44 с.

Political Order and Trust: the Risks of Post-communist Transit

S. A. Danilov

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410002, Russia
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

Transitive state of political order and risk trends of trust are analyzed in the context of post-communist societies. Order and trust are interdependent phenomena. Social systems and processes are not able to operate stably without them. There are vertical and horizontal axes of trust in society which are based on ideology. The deformation of the communist regime and the crisis of political institutions determined transformation of ideology and trust. So the trust based on ideology could not provide institutional protection. Risk trends of trust are allocated: de-formalization as substitution of formal norms with informal rules, the devaluation of the value-institutional system and degradation as a significant reduction in the level of trust in the «transit society».

Key words: order, power, risk, postcommunist transit, institutions, values.

References

1. Melvil A. Yu. Demokraticheskie tranzity (Democratic transition). Melvil A. Yu. *Politologiya: leksikon*. Pod red. A. I. Soloveva (Politics: Lexicon. Ed. by A. I. Solovev). Moscow, 2007, pp. 123–134 p.
2. Ustyantsev V. B. Poryadok i chelovek: gorizonty ambivalentnosti (The order and the person: the horizons of ambivalence). *Filosofiya, obshchestvo, kultura: sb. nauch. st., posvyashchennykh 70-letiyu prof. V. A. Koneva* (Philosophy, society, culture: articles devoted to the 70th anniversary of prof. V. A. Konev). Samara, 2007, pp. 145–158.

- Sztompka P. *Zaufanie. Fundament społeczeństwa*. Krakow, 2007. 424 p. (Russ. ed.: Shtompka P. *Doverie – osnova obshchestva*. Moscow, 2012. 440 p.).
- Ivanov A. V., Danilov S. A. Sotsialnoe doverie i institucionalnyy poryadok obshchestva v sotsiokulturnom kontekste zapadnykh i vostochnykh kultur: sravnitelnyy analiz (Social trust and institutional order of society in the social and cultural context of western and eastern cultures: a comparative analysis). *Fundamentalnye issledovaniya* (Fundamental Research), 2014, no. 11, pt. 8, pp. 1852–1859.
- Berger P., Luckmann T. *The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge*. New York, 1966. 249 p. (Russ. ed.: Berger P., Lukman T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti: traktat po sotsiologii znaniya*. Moscow, 1995. 323 p.).
- Wrong D. *The problem of order: what unites and divides society*. New York, 1994. 354 p.
- Fedotova V. G. *Apatiya i tri tipa poryadka v postkommunisticheskoy Rossii* (Apathy and three types of order in post-communist Russia). Available at: <http://davaiknam.ru/text/apatiya-i-tri-tipa-poryadka-v-postkommunisticheskoy-rossii> (accessed 6 June 2015).
- Homo institutus – Chelovek institutsionalnyy*. Pod red. O.V. Inshakova (Homo institutus – Man institutional. Ed. by O. V. Inshakov). Volgograd, 2005. 854 p.
- Helmke G., Levitsky S. Informal institutions and comparative politics: a research agenda. *Perspectives on Politics*, December 2004, vol. 2, no. 4, pp. 725–740. (Russ. ed.: Khelmke G., Levitski S. *Neformalnye instituty i sravnitel'naya politika: osnovnye napravleniya issledovaniy*. *Prognosis*, 2007, no. 2 (10), pp. 188–211).
- Sztompka P. Sotsialnoe izmeneniye kak travma: st. pervaya (Social change as trauma: article one). *Sotsis* (Socis), 2001, no. 1, pp. 6–16.
- Sztompka P. Cultural trauma of social change. A case postcommunist societies. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkley, 2004, pp. 155–195 (Russ. ed.: Shtompka P. *Kulturnaya travma v postkommunisticheskoy obshchestve*. *Sotsis*, 2001, no. 2, pp. 3–12).
- Khosking Dzh. *Struktury doveryiya v poslednie desyatiletiya Sovetskogo Soyuz* (Structures of confidence in the last decades of the Soviet Union). Available at: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/hoking_s/ (accessed 4 June 2015).
- Orlov M. O. *Sotsialnaya dinamika: filosofsko-metodologicheskie osnovaniya diskursivnogo upravleniya v usloviyakh globalizatsii*: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk (Social dynamics: philosophical and methodological foundations of discursive control in the context of globalization: author. dis. ... dr. philosophy sciences). Saratov, 2009. 44 p.

УДК 141.1

ПОЯВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕЛЕННОЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ САМООРГАНИЗАЦИИ (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМЫ АНТРОПНОГО ПРИНЦИПА)

Зобова Мария Романовна –

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
E-mail: swbusoff@mail.ru

Статья посвящена проблеме антропного принципа, его предыстории и современным формулировкам. Связь глобальных свойств Универсума с появлением и существованием человека отмечали на протяжении веков – с античности до наших дней (Аристотель, Д. Бруно, Б. Паскаль, А. Уоллес, А. Л. Зельманов, Г. М. Идлис и др.). Современные формулировки антропного принципа и его модификаций предложены Б. Картером (сильный, слабый, самоотбора), Дж. Уилером (участия), Ф. Типлером (финальный), И. Л. Розенталем (целесообразности). Анализируется отношение к антропному принципу разных ученых, философов и религиозных мыслителей. Подчеркивается, что появление человека во Вселенной есть результат ее самоорганизации (Н. Н. Моисеев, Э. Янч, В. В. Казютинский, В. П. Бранский). На основе теории и методологии синергетической философии истории делается прогноз будущего человечества во Вселенной.

Ключевые слова: антропный принцип, Вселенная, множественность вселенных, человек, эволюция, фундаментальные физические константы, самоорганизация, бифуркация, аттрактор.

DOI: 10.18500/1819-7671-2015-15-4-23-28

В конце 90-х гг. XX в. большую популярность приобрел *антропный принцип* (АП), который широко обсуждался не только учеными, но и философами. Содержание его оценивалось по-разному – от естественно-научного и материалистического до теологического и идеалистического; справедливо считали его и метафорическим, т.е. стоящим вне или над наукой и философией. Сейчас же, когда интерес к этому принципу несколько остыл, предпринимаются попытки